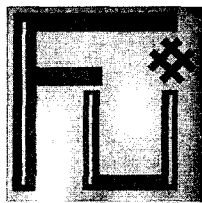

ДЕПАРТАМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ
АДМИНИСТРАЦИИ ГУБЕРНАТОРА ПЕРМСКОГО КРАЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный педагогический университет»
Институт исследований языка, истории и традиционной культуры
коми-пермяцкого народа

**Рукописные памятники как предпосылки
создания национальной письменности**

Материалы межрегиональной научной конференции,
посвященной 170-летию со дня написания рукописной грамматики
пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка

*«Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію
Пермятскаго Языка Составленныя Города Соликамска Свято Троицкаго
Собора Протоіереемъ Θεодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля 8- дня»*

28–29 февраля 2008 года
Пермь

Пермь
ПГПУ
2008

УДК 809.453.1

ББК Ш 166.42

Р 854

Рукописные памятники как предпосылки создания
Р 854 национальной письменности : материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – 229 с.

ISBN 978-5-85218-374-3

Межрегиональная научная конференция «Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности», состоявшаяся в г. Перми 20–29 февраля 2008 г., посвящалась 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (современного коми-пермяцкого) языка *«Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію Пермтскаго Языка Составленныя Города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоіереємъ Ѳеодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля 8- дня»*.

В сборнике представлены доклады, изложения сообщений и выступлений на пленарном заседании и секциях участников конференции. Издание адресовано специалистам по пермским языкам, а также всем, кто интересуется вопросами истории языка.

УДК 809.453.1

ББК Ш 166.42

Редакционная коллегия:

Белавин Андрей Михайлович – проректор Пермского государственного педагогического университета по научной работе, доктор исторических наук, профессор;

Абашева Марина Петровна – декан филологического факультета Пермского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, профессор;

Лобанова Алевтина Степановна – директор Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Пермского государственного педагогического университета (главный редактор);

Попова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Пермского государственного педагогического университета (ответственный редактор).

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного педагогического университета

*Издание осуществлено по заказу Департамента внутренней политики
Администрации губернатора Пермского края на средства и в рамках реализации
краевой целевой Программы развития и гармонизации национальных отношений
народов Пермского края*

ISBN 978-5-85218-374-3

© Коллектив авторов, 2008
© ГОУ ВПО «Пермский государственный
педагогический университет», 2008

Секция 1. РУКОПИСНЫЕ (И ПЕЧАТНЫЕ) ПАМЯТНИКИ ПЕРМСКИХ НАРОДОВ, ОТРАЖЕНИЕ В НИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

А. Ф. Шутов (г. Ижевск)

Природа сложноподчиненных предложений в первых переводных удмуртских источниках

Первыми книгами, содержащими значительные тексты на удмуртском языке, являются два переводных Евангелия и две «Азбуки», изданные на глазовском и сарапульском наречиях в 1847 году в г. Казани. «Азбука, составленная изъ российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ для обученія вотскихъ дѣтей чтению на ихъ наречии» (177 с.) на глазовском наречии составлена священником Григорием Решетниковым, а на сарапульском – Иваном Анисимовым. Основную часть «Азбуки» составляют сокращенные переводы «Священной истории» и катехизиса.

На материале переведенных на удмуртский язык Евангелий академик Ф. Й. Видеманн подготовил и в 1851 году на немецком языке опубликовал грамматику удмуртского языка (Wiedemann), которая по сравнению с первой грамматикой удмуртского языка 1775 года является, как отмечают исследователи, подлинно научной. Можно представить себе, как полно и качественно мог бы описать грамматический строй удмуртского языка талантливый ученый, если бы он располагал удмуртскими оригинальными текстами – такими текстами, которые чуть позднее появились в работах Б.Г. Гаврилова, Н. Первухина, Т. Г. Аминоффа, Б. Мункачи, Ю. Вихманна и других.

В предисловии к грамматике Ф. Й. Видеманн пишет, что в архиве Русского библейского общества г. Вятки имеются переведенные на удмуртский язык четыре рукописных Евангелия и что их копии ему

доставил академик А. И. Шёгрэн. Автор грамматики отмечает: не все переводы одинаково надежны и пригодны, рукопись Евангелия от Луки неполная, однако первые две уже переписаны набело. Он указывает и авторов перевода: Евангелие от Матфея на удмуртский язык перевел Иван Анисимов из Елабужского уезда, а от Марка – Афонасий Шкляев из Глазовского уезда, помогал также удмуртский купец И. Волков. Как отмечают исследователи, в работе над переводом Евангелия принимали участие и другие священники из разных мест удмуртской земли: Н. Невоструев (Укан), С. Анисимов (Балезино), З. Кротов (Елово), П.Тронин (Дебессы). Таким образом, переведенные Евангелия – это в определенной мере результат коллективного труда. Сделаны они в основном в 1819–1823 годы. И только в 1847 году отдельными книгами изданы Евангелие от Матфея на сарапульском наречии (234 стр.) и Евангелие от Матфея и Марка на глазовском наречии (234+135стр.).

Анализ текстов оригинала (на церковнославянском / древнерусском языке) и удмуртских переводов свидетельствует о том, что переводы максимально приближены к оригиналам, т. е. предложения очень часто переведены «дословно» с соблюдением порядка слов оригинала, с использованием моделей русских конструкций, с поиском удмуртских калек для русских союзов. Так как указанные переводы Евангелия и «Азбуки» являются первыми книгами, содержащими удмуртские тексты и предложения, их нельзя упускать из виду при исследовании синтаксического (грамматического) строя удмуртского языка. Однако исследователь всегда должен учитывать при этом нарушения порядка слов и другие искажения удмуртского языка, допущенные переводчиками.

В некоторых послереволюционных удмуртских грамматиках имела место попытка без всяких на то оснований отрицать наличие в удмуртском языке сложноподчиненных предложений, отчасти это объяснялось господствовавшей тогда теорией сокращенных придаточных предложений.

Анализ текстов рассматриваемых источников полностью опровергает утверждения авторов этих грамматик. Так, в переводном Евангелии от Матфея (на сарапульском наречии) употреблено 383 сложноподчиненных предложения с различными придаточными (обстоятельственными – 224, изъяснительными – 71, определительными – 66, местоименно-соотносительными – 22) и 188 различных оборотов, функционально соответствующих придаточным предложениям. В евангелии от Марка на глазовском наречии нами зафиксировано 283 придаточных и 107 оборотов, в глазовской «Азбуке» – 179 придаточных и 74 оборота.

То, что в этих переводных источниках так мало характерных для удмуртского языка деепричастных, глагольно-именных, причастных оборотов, объясняется тем, что переводчики неуклоно стремились, подражая оригиналу, придаточное предложение в оригинале перевести придаточным же, стараясь подбирать соответствующие союзы и союзные слова. Следует отметить удачное использование древнеудмуртских союзов *ке* ‘если’, *ке но* ‘хотя’, в некоторых случаях *шуыса* ‘что, чтобы’, *дырья* ‘когда, в то время как’ и многих союзных слов.

Древнеудмуртский союз *ке* в текстах сарапульского евангелия 1847г. от Матфея использован в 49 условных и 3 придаточных времени, ср. некоторые примеры: *Воць тае сіото Тыныдь питцаса-кэ юбыртодь аслымъ* [Ев. Сар. 1847: 17] ‘Все сіе дамъ тебѣ, ежели падши поклонишся мнѣ’; *Шеттоды-кэ Сое, иворъ карэ мынымъ* [Ев. Сар. 1847: 7]) ‘И когда найдете Его, извѣстите меня’.

Вторым по древности происхождения после общепермского *ке* в удмуртском языке, по-видимому, следует считать широкоупотребительный уступительный союз *ке но* ‘хотя’. Ф. Й. Видеманн в грамматике удмуртского языка пишет, что в уступительных придаточных предложениях используется суффикс *ке* с добавлением к нему *но* [Wiedemann 1851: 279]. *Луль-кэ-но сезь, мугоръ бенъ лябъ* [Ев. Глаз. 1847: 116] ‘Духъ бодръ, но плоть немощна’.

Удмуртский постпозитивный союз *шуыса* 'что, чтобы' восходит к деепричастию от глагола *шуыны* 'говорить, сказать'. По предположению Б.А. Серебренникова [1963: 376–377], *шуыса* как союз сформировался под влиянием татарского языка, где ему соответствует деепричастие *дип* (от глагола *ди* 'говорить') > союз *дип* 'что'. Удмуртский союз *шуыса*, как и татарский *дип*, развился в результате превращения прямой речи в косвенную (см. об этом: [Перевощиков 1959: 246; Майтинская 1982: 87; Яшина 1981: 94]).

Ф. Й. Видеманн в своей грамматике удмуртского языка уже отметил, что после глаголов высказывания или мысли в придаточных предложениях вместо отсутствующего *что* слово *шуыса* (*шуса*) часто замыкает предложение [Wiedemann 1851: 274]. Подчинительный союз *шуыса* (*шуса*) 'что, чтобы' часто используется в дополнительных (по структурно-семантической классификации изъяснительных) придаточных предложениях начиная с ранних источников до наших дней. *Веразь та Апостоль та уэ атась чорьямлэсь азьло квиньполь куштскозь Христослэсь, шуыса* [Азб. 1847: 99] 'Сказаль, что сей Апостоль въ сію ночь, прежде ꙗ́вля ꙗ́вѣ туха, трижды отречется отъ Христа'. *Инъ вылынъ Атайды тодэ, воцякъ та тиледъ-лы кулэ шуыса* [Ев. Сар. 1847: 38] 'И потому что знаетъ Отецъ вашъ небесный, что во всемъ томъ имѣте нужду'.

Союз времени *дыръя* 'когда, в то время как, пока' восходит к послелогу *дыръя* 'во время (в течение) чего-либо' [Серебренников 1963: 377; Майтинская 1982: 87], в основе которого лежит слово *дыр* 'время', содержащее падежный суффикс *-ja*. Послелог *d̥trja* 'во время' употребляется в удмуртском и в некоторых диалектах коми-зырянского (удорском, ижемском) [Серебренников 1963: 360], коми-пермяцкого языков [Баталова 1982: 152].

Союз *дыръя* употребляется в сложноподчиненных предложениях со значением одновременности: действие главной части совпадает с

действием придаточной. Как союз послеложного происхождения он всегда замыкает придаточную часть сложного предложения. *Цика книгаязъ адземедь эй валь, марь, лестизъ Давидъ сionъ эвель дыръя, куке ацизь-но юлтошъ-йосъно сюмазы?* [Ев. Глаз. 1847: 15] 'Разве вы никогда не читали, что сделалъ Давидъ, когда имелъ нужду, и взалкалъ самъ, и бывшие съ нимъ? *Кизи кайгаулозы сюванциось картъ уванъ дыръя?* [Ев. Сар. 1847]. 'Могутъ ли брачные гости печалиться, пока съ ними женихъ?'

Употребленные в переводах в функции союза *бен* (*бон*), *бык*, *полукальки* с русского языка *соин что, со понна что* (в придаточных причины) и *сокем что* (в придаточных степени, следствия) в современном литературном языке не встречаются. Полукальки для разговорной же речи в условиях билингвизма весьма характерны.

В первых переводных евангелиях весьма часто (35 в глазовском, 85 в сарапульском наречии) употреблена в качестве причинного союза усиительная частица *бон* (*бен*) 'же, так', что, по всей вероятности, объясняется влиянием созвучных удмуртской частице *бон* (употребляется в южных говорах удмуртского языка) древнерусских союзов *бо, ибо*, являющихся по происхождению старославянскими. Как отмечают исследователи, *бо* был самым употребительным союзом в памятниках древнерусского языка для выражения причинных отношений, а причинный союз *ибо* возник из сочетаний *и* и *бо* [Стеценко 1972: 256–258], ср. пример с *бо*: *Игорь полки заворочает, жаль бо ему мила брата Всеволода* [Стеценко 1972: 257].

Как и древнерусский *бо*, удмуртские *бон* и *бен* обычно стоят после выдвинутого на первое место слова (или слов), которое они как бы подчеркивают логически: *Вераса: Сайка, басьты нунызъ-но Солэсь, мынь-но Израиль музъемэ, кушкысьюзъ бонъ нуны-лэсь лулъ-зэ кулызы* [Ев. Сар. 1847: 10] 'И говорить: встань, возьми младенца и мать Его и иди в землю Израилеву; ибо искавшие души младенца умерли'; *Быдтырдэ энъ каргаськы; инъ-энь-но, со бонъ Инмарьлэн пуконъ инти-зэ* [Ев. Сар. 1847: 28] 'Вовсе не клянись, потому что оно престоль Божий'; *Инмарьлы кулээзъ*

эйвалъ ненокечено животъ лулынъ, Ацизь бенъ Ась кожинъ пракъ валъ [Азб. 1847: 16] ‘Богъ не имѣть нужды ни въ какой твари, поелику самъ въ Себѣ всегда былъ и есть совершенно доволенъ и блаженъ’; *Исусъ веразъ соіосъ-лы: мынэлэ ти огняды калыкътэмъ интіазъ, шутэдицкэлэ-но ежотъ, ятырь-уг бенъ лыктысьіосъ-но кошкисъіосъ-но валъ* [Ев. Глаз. 1847: 4]4) ‘Онъ сказалъ имъ; подите вы одни въ уединенное мѣсто, и отдохните немного; ибо много было приходящихъ и уходящихъ’.

Слово *бон* использовано в первых евангелиях и в функции русских противительных союзов *но, а*, однако частицы *бон, бен* в современном удмуртском языке не приобрели союзной функции.

В глазовском евангелии 1847 года имеются случаи использования в функции причинного союза диалектной частицы *бык* ‘же, да’: *Адзизъ-но соіослэсъ шугукемзэ пыжинъ уаннязъ; тэлызъ пумить валъ быкъ* [Ев. Глаз. 1847: 47] ‘И увидель ихъ бѣдствующихъ в плаваніи; ибо вѣ теръ былъ имъ противный’; *Эзъ-ни бенъ тодъ, маръке увазины: кышкаменызъ быкъ квалекъяло вицякъ валъ* [Ев. Глаз. 1847:65] ‘Ибо не зналъ, что сказать; потому что они были внѣ себя от страха’. Возможно, что *бык* является заимствованной из древнерусского языка частицей *быхъ, бы*, ср. также пример: *Ветлысал бык, жади* [УРС: 63] ‘Сходил бы, да устал’.

Вместо русского *чтобы* часто использована удмуртская частица *мед/медаз* ‘пусть, пусть не’ и реже – современный союз *шуыса* ‘что, чтобы’. Слово *мед* (в отдельно взятом виде) в нормативных грамматиках удмуртского языка в качестве союза не зафиксировано. Однако, как показывают наши наблюдения, оно может употребляться в некоторых случаях, хотя и ограниченно, в функции русского союза *чтобы*. Удмуртский союз *мед* ‘чтобы’, как и коми *мед* ‘чтобы’ [Манова 1976: 19–20; Майтинская 1982: 100], сформировался на базе частицы *мед* ‘пусть, да’: этот процесс в пермских языках, по всей вероятности, шел параллельно. Отрицательные формы союза (к. *медым* ‘чтобы не’; у. *медам* ‘чтобы не’, *медад* ‘чтобы ты не’, *медаз* ‘чтобы он (они) не’) возникли из частицы *мед* в

сочетании с личными формами отрицательного глагола. (Подобные “спрягаемые” союзы имеются в финском языке (см.: [Майтинская 1982: 115]): *ellen* ‘если я не’, *ellet* ‘если ты не’ и т. д.; *etten* ‘что я не’, *ettet* ‘что ты не’ и т. д.). Следует отметить, что уже в ранних источниках имеются случаи употребления союза *мед* для связи придаточных цели с главным предложением. Придаточное предложение обычно находится в постпозиции к главному, а союз *мед* в придаточном предложении – чаще всего перед глаголом-сказуемым. *Увачкала–тырысь Инмарь быръя валь кэнязэкэ шонеръ улысь муртъюсесь, тырь-но каре валь соосьсь аслэз лулэнызь, медь соось поттозы мукетъ адямиосьлы Солэнь эриксь* [Азб. 1847: 62–63] ‘Издревле Богъ избиралъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей, и исполнять ихъ духомъ Своимъ, дабы они открывали волю Его прочимъ людямъ’ *Энь изе, восяське бенъ, медадь шэде пэськоньнэ* [Ев. Глаз. 1847: 116] ‘Бдите и молитесь, чтобъ не впасть вамъ въ искушение’. *Визямдэ медазь тодэ адямиэсь, вылысь Атай-лесяна, кудъзэ адзины углы* [Ев. Сар. 1847: 35] ‘Чтобъ не явиться предъ людьми постящимися, но предъ Отцемъ твоимъ, который втайнѣ’.

В переведенных на глазовское наречие Евангелии и «Азбуке» для связи придаточного изъяснительного с главным предложением часто употреблен русский союз *что* и очень редко удмуртский союз *шуыса*.

Для связи придаточных предложений причины в качестве союза использовались варианты усиительные частицы *уг*, *ук*, *угось*, *уго* (*уга*) ‘ведь’. Развитию союзной функции указанных частиц могло способствовать то, что эти частицы не только усиливают, как отмечается в нормативной грамматике [ГСУЯ 1962: 341–342], значение отдельного слова, но и вносят в его содержание дополнительные смысловые нюансы утверждения, убеждения и т. д. Наряду с этими признаками они имеют, хотя и в ослабленном виде, значение модальности. В качестве причинной частицы слово *уг* зафиксировано в удмуртской грамматике Ф. Й. Видеманна [Wiedemann 1851: 279], составленной на материале первых

переводных евангелий. В функции союзов *ибо*, *потому что* частица *уг* действительно употреблена в первых удмуртских евангелиях, например, на глазовском наречии: *Эвыль-уг номырено уватскемъ лестэмынь, мар-ке тодэмъ эй-лась* [Ев. Глаз, 1847: 26] 'Ибо нет ничего тайного, что не сдѣлалось бы явнымъ'. *Ку быдэскынь тись-эзъ вуозъ, соку икъ сюрлозэ истозъ; арань дыръ вуизъ-уг* [Ев. Глаз. 1847: 27] 'Когда же созрѣетъ плодъ, тотчасъ посылаетъ серпъ; потому что настала жатва'.

Список литературы

Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки) / Р. М. Баталова М.: Наука, 1982. 167 с.

Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках / К. Е. Майтинская; АН СССР. М.: Наука, 1982. 185 с.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит.; отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

Манова Н. Д. Сложноподчиненные предложения в коми языке в историческом освещении: Основные типы: дис. ... канд. филол. наук / Н. Д. Манова. М., 1976. 191с.

Перевощиков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке / П. Н. Перевощиков; Удм. НИИ ист., экон., языка и лит. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 328 с.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / Б. А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.

Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. М.: Высшая школа, 1972. 360 с.

УРС – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; под ред. В. М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

Яшина Р. И. Синтаксические конструкции со словом *шуыса* в удмуртском языке / Р. И. Яшина // Историко-культурные связи пермских народов: По данным фольклора и языка: межвуз. темат. сб. научн. тр. / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1981. С. 78–95.

Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche / F. J. Wiedemann. Reval, 1851. 390 S.

Тексты наблюдения

Азб. 1847 – Азбука составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи. (По глазовскому). Казань, 1847. 177 с.;

Ев. Глаз. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа евангеліе отъ св. евангелистовъ Матеея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчїя. Казань, 1847. 369 с.

Ев. Сар. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа евангеліе отъ св. евангелиста Матеея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчїя. Казань, 1847. 234 с.

Л. М. Ившин (г. Ижевск)

Язык лингвистических материалов Д. Г. Мессершмидта

Для исследования истории, культуры и языка любого народа чрезвычайно важное значение имеет, с одной стороны, появление первых письменных источников о нём, с другой, – начало его научного изучения. Удмурты поздно попали на страницы письменных источников; первое упоминание об удмуртской (Вотяцкой) земле, подвластной казанскому хану, в русском летописном рассказе о походе Ивана III на Казань в 1469 году не имело продолжения в течение полувека, только с 1520-х годов удмурты (отяки, затем вотяки) более или менее регулярно фигурируют в русских документах [Сысоева 1967: 302–303]. Большее значение приобретают сведения начала XVIII века, появляющиеся во время и вследствие царствования Петра I: записки и сочинения пленных офицеров шведской армии, совершивших после Полтавской битвы вынужденные путешествия по России; первые научные описания России, созданные учёными Императорской Санкт-Петербургской Академии. Фактически именно в этих источниках появляются первые развёрнутые описания